

Ахмад наконец улыбнулся. Он небрежно махнул рукой:

— Прекрасно. А теперь ступай, мне нужно переговорить с советником Чжаном.

Сун Чжи поклонился и, на мгновение вскинув взгляд, заметил в глазах Чжан Хуэя странную смесь тревоги и облегчения. На сердце у юноши защемило. Он поспешно отступил и вышел из кабинета.

О чём именно собирались толковать эти двое, Цзилань не знал. Ахмад слыл казнокрадом и подлецом, его дурная слава гремела на всю империю, и Сун Чжи понимал: Чжан Хуэй поддерживает с ним отношения не первый год. Ещё во время своего прошлого пребывания в поместье Чжан он не раз встречал здесь одиозного Верховного государственного советника.

Юношу одолевали мрачные предчувствия. Для него юаньский двор и без того был оплотом захватчиков, и хотя само по себе наличие «злых министров» его мало трогало, он всерьёз опасался, что Чжан Хуэй может пострадать из-за такой дружбы.

Впрочем, в то, что старик Хуэй и Ахмад — два сапога пара, Сун Чжи не верил. Чжан Хуэй вёл жизнь аскетичную, был строг к себе, не баловал детей и редко повышал голос даже на слуг. Такой человек попросту не мог быть бесчестным прихвостнем. Но повлиять на ситуацию Сун Чжи был не в силах.

Едва покинув кабинет, он нос к носу столкнулся с Чжан Цзуньхуэем, сыном своего покровителя, занимавшим ныне пост директора левого управления.

— Господин Чжан, — Сун Чжи почтительно сложил руки в приветствии.

Тот относился к Сун Чжи тепло, но не без доли ревности. У Цзуньхуэя был собственный сын, ровесник Сун Чжи, и старый Чжан Хуэй, души не чаявший в приёмыше, частенько ставил его в пример родному внуку, Чжан Чэнъи. К тому же «неблагодарный» отказ Сун Чжи от государственной службы изрядно раздражал директора Чжана.

— Пришёл-таки? — бросил Цзуньхуэй. — Вышел от отца? Видел Верховного государственного советника Ахмада?

— Видел, — коротко отозвался юноша.

Цзуньхуэй о чём-то задумался, хмурясь, а затем махнул рукой:

— Раз дел больше нет, можешь идти.

Сун Чжи не тронулся с места. Цзуньхуэй удивился.

— Верховный государственный советник Ахмад приказал мне ждать здесь, — пояснил юноша.
— Сказал, что найдётся для меня поручение.

Цзуньхуэй посмотрел на него совсем странно: когда отец предлагал Цзиланю службу, тот и слышать ничего не желал, а тут готов бежать по первому слову Ахмада. Сун Чжи не стал оправдываться. Опустив глаза, он замер на месте, смиренно ожидая верховного государственного советника.

Вскоре Чжан Цзуньхуэй ушёл, оставив его одного.

Поручение Ахмада оказалось не слишком обременительным: вельможа пожелал, чтобы художник запечатлел несколько человек. Спустя пару дней Сун Чжи, согласно уговору, явился в поместье Ахмада. Сам хозяин к нему не вышел — гостя принял управляющий по имени Куку, чьи пронзительные зелёные глаза сразу привлекали внимание.

Этот Куку полностью оправдывал своё имя: он был холоден и немногословен. С каменным лицом он проводил Сун Чжи в залу для приёмов.

— Верховный государственный советник просит подождать. Те, кого вам предстоит рисовать, скоро будут здесь.

— Благодарю, — отозвался Сун Чжи.

Куку даже веком не повёл и молча удалился. Впрочем, гостеприимством дом Ахмада обделён не был: служанки тут же подали художнику ароматный чай.

Примерно через четверть часа управляющий вернулся и проводил Цзиланя в задний сад. Там, выстроившись вереницей, его ждала толпа юных красавиц вперемешку с миловидными юношами, чьи лица казались напудренными до белизны.

— Господин Верховный государственный советник приказал запечатлеть каждого из них, — пророкотал Куку. — Портреты должны быть живыми. Сходство — безусловным.

Инструменты и краски предоставили на месте; от художника требовались лишь умелые руки. Юноши и девушки замерли, опустив глаза, безмолвно, отдаваясь во власть кисти.

Спустя некоторое время к Сун Чжи подошёл слуга. Делая вид, будто разминает художнику затёкшие плечи, он незаметно сунул ему за пояс несколько лянов серебра. Цзилань хотел было возмутиться, но слуга шепнул:

— Не спешите, господин.

Мальчишка скосил глаза на одного из подростков в синем халате, лет четырнадцати на вид.

— Этого парня зовут Ситун. Это он просил передать. Примите, не обижайте его отказом.

Сун Чжи поднял взгляд. Ситун в этот момент тоже посмотрел на него. Их глаза встретились; юноша едва заметно улыбнулся и чуть склонил голову.

Сказать по правде, среди этой толпы Ситун не был самым красивым, но он выглядел таким невинным и чистым, что это невольно подкупало. Черты его лица выдавали в нём ханьца. Трудно было представить, какая беда забросила его в это место.

— Все они — несчастные души, — продолжал шептать слуга над ухом. — Слышал я, Ситуна похитили. Родня его вся полегла, он один на свете остался.

Сун Чжи жестом велел ему замолчать.

— Я всё понял. — Он вытащил серебро и вернул слуге. — Отдай это ему.

Мальчишка, сообразив, что дело сделано, довольно осклабился:

— Благодарю за понимание, господин.

Когда очередь дошла до портрета Ситуна, Сун Чжи на мгновение замер. Он позволил себе внести в рисунок крошечные изменения: на бумаге Ситун по-прежнему оставался собой, но в его облике появилось нечто неувлимо притягательное, чего не было в жизни.

Всего предстояло нарисовать больше десятка человек. Работа затянулась на два дня. Когда портреты были закончены, Куку вручил художнику несколько банковских билетов — плату за труды.

Ахмад, судя по всему, был занят, но выкроил минуту, чтобы бегло взглянуть на эскизы. Оставшись доволен, он призвал Сун Чжи к себе, осыпал похвалами и вдруг спросил:

— Если ты согласен, я переговорю с Улухунэтэ, чтобы он уступил тебя мне. Будешь служить в моём доме, и поверь — я тебя не обижу. Что скажешь?

В душе Сун Чжи похолодел, но внешне остался непоколебим. Он мастерски изобразил на лице крайнее смущение и, пав на колени, низко склонился:

— Ничтожный человек безмерно польщён...

— Ваша светлость проявили ко мне милость, и мне не должно бы отказываться...

— Но я с малых лет остался сиротой. Господин Чжан подобрал меня, воспитал и обучил. Он для меня и дед, и учитель. Я... я просто не могу...

Ахмад, видя его искреннее волнение, не захотел силой отнимать человека у Чжан Хуэя. Он разочарованно махнул рукой:

— Что ж, не стану неволить. Ступай.

Сун Чжи не поднимал головы:

— Молю о прощении за то, что не оправдал ваших надежд.

Ахмад снова сделал знак рукой. Куку, стоявший рядом, всё понял без слов:

— Прошу вас, господин художник.

Только тогда Сун Чжи поднялся, ещё раз низко поклонился Ахмаду и вышел вон.

Едва он переступил порог, как до него донёлся громкий раскатистый смех:

— И у Хацзиэра нашлось время заглянуть!?

Хацзиэр? Сердце Сун Чжи пропустило удар. Неужели он повсюду будет наткаться на этого проклятого врага?

Куку, заметив его замешательство, пояснил:

— Наш молодой господин сегодня принимает друзей.

Цзилань натянуто улыбнулся и хотел было незаметно ускользнуть, но внезапно в воздухе свистнул мяч для куцзюй. Снаряд летел прямо ему в лицо. Сун Чжи едва успел пригнуться, и мяч с глухим стуком угодил прямо в лоб Куку.

Управляющий замер, он остался бесстрастным.

В ту же секунду из-за поворота выбежал подросток. Увидев произошедшее, он расхохотался:

— Куку! Живо отдавай мяч!

Он подлетел к управляющему и, выхватив мяч, заметил его мрачный вид.

— Ну не сердись, Куку! Только деду не жалуйся, ладно? Я тебе потом какую-нибудь славную вещицу подарю!

Куку лишь криво усмехнулся:

— Молодой господин изволит шутить. — Он искоса взглянул на Сун Чжи, который стоял поодаль, опустив голову и всем своим видом показывая, что происходящее его не касается. «А парень-то не прост, — подумал Куку, — знает, когда прикинуться ветошью».

Мэнгутаи тоже заметил художника, но не придавал ему значения. Вскинув мяч, он крикнул друзьям:

— Нашёл! Начинаем!

К нему потянулась шумная толпа. Большинство составляли монголы, но были здесь и мусульмане-сэму, и найманы, и уйгуры. Среди них возвышался Хацзиэр — Мэн Хуань.

Каким-то ветром Мэн Хуаня снова занесло к Ахмаду. Он выглядел бесстрастным, не выдавая ни радости, ни скуки.

В этот момент раздался звонкий голос Чомань:

— Мэнгутаи! Сегодня судить буду я, и чур — не жульничать!

Мэнгутаи не посмел перечить высокомерной девице и расплылся в улыбке:

— Разумеется! Если Чомань судья, никто и пикнуть не посмеет. А если кто вздумает хитрить — будет иметь дело со мной.

Чомань усмехнулась и вскинула подбородок:

— И смотрите, чтобы никто не смел обижать Хацзиэра.

Сказав это, она взглянула на Мэн Хуаня, но обнаружила, что тот смотрит совсем в другую сторону. Проследив за его взглядом, она увидела ханьского юношу в синем халате и учёной шапке. Лицо его показалось ей знакомым.

— Хацзиэр, на что ты там смотришь? — требовательно спросила она.

Тот нехотя отвёл глаза:

— Ни на что.

Чомань узнала того дерзкого простолюдина, которого встречала раньше. Кажется, его звали Сун как-то-там-лань. Заметив интерес Хацзиэра, она решила поглумиться и властно окликнула управляющего:

— Куку!

— Что угодно госпоже Чомань? — отозвался тот.

Девушка небрежно указала кончиком плети на Сун Чжи:

— Кто этот ханец и что он делает в доме верховного государственного советника Ахмада?

— Его зовут Сун Чжи. Господин Верховный государственный советник вызывал его по делу. Работа окончена, и он собирался уходить.

Чомань протянула «хм-м» и прищурилась:

— Раз работа окончена, пусть поразвлечёт нас. Наградой не обидим.

Куку промолчал, взглянув на Сун Чжи. Тот стоял, не поднимая головы.

— Умеешь играть в мяч? — спросила Чомань.

— Нет, — коротко ответил Сун Чжи.

Чомань рассмеялась:

— Не беда. Будешь подавать мячи.

Она даже не дождалась ответа и обернулась к Мэн Хуаню:

— Как думаешь, Хацзиэр, славная затея?

Мэн Хуань посмотрел на Сун Чжи. В голове его роились неясные мысли.

— Если тебе того хочется, Чомань, пусть будет так.

Однако он тут же добавил:

— Только сдаётся мне, он не слишком обрадован твоим предложением.

Мэн Хуань лишь констатировал факт, но Чомань от таких слов лишь раззадорилась. Она с изумлением воззрилась на художника:

— Ты не хочешь?

Сун Чжи проклял свою судьбу. Сжав зубы, он выдавил из себя:

— Госпожа Чомань, я совершенно не смыслю в этой игре. Моё присутствие лишь испортит вам удовольствие.

Мэнгутай влез в разговор:

— Госпожа оказывает тебе честь, ничтожный! У тебя нет права на отказ!

Сун Чжи внезапно рухнул на колени:

— Мал я ростом для такой великой милости, госпожа. Не по плечу мне ваша доброта.

Мэн Хуань холодно наблюдал за этой сценой. Он понимал: Сун Чжи совсем не знает нрава Чомань. Баянь и его жена души не чаяли в единственной дочери, превратив её в капризное и жестокое создание. Улестить ей было единственным способом спастись, но Сун Чжи явно выбрал иной путь.

Потакать капризам монгольской знати Сун Чжи не желал. Согласие работать на Ахмада и без того было сделкой с совестью. Если Сю-нянь узнает об этом, она от огорчения куска в горло не возьмёт весь день. А если увидит его в роли прислужника Чомань — и вовсе объявит голодовку на трое суток.

Чомань гневно нахмурилась и обратилась к Куку:

— Куку, если твой господин может помыкать этим рабом, то почему мне нельзя!?

— С вашего позволения, госпожа, — бесстрастно отозвался управляющий, — этот человек из дома правого советника Чжана. Он не принадлежит моему господину.

— Чжан Хуэя? — Девушка прикусила губу. — А Чжан Чэнъи сегодня здесь?

— Нет, его нет, — ответил Мэнгугай.

— Вечно его нет, когда он нужен! — в сердцах бросила Чомань.

Она сорвала с пояса красную плетку. Хлесткий удар — и на серых плитах сада остался белесый след. Воздух прорезал резкий, свистящий звук.

— Подавай мячи, — процедила она. — А не то познакомишься с моей плетью поближе.

<http://bllate.org/book/17487/1693040>